

Ч У Ж О Й[™]
ЭХО

MAINSTREAM ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ ИЗ ЦИКЛА
«ЧУЖОЙ ПРОТИВ ХИЩНИКА»:

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛИЗАЦИИ:

ДЖЕЙМС А. МУР. **«ХИЩНИК: ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ»**

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН, МАРК МОРРИС. **«ХИЩНИК»**

АЛАН ДИН ФОСТЕР. **«ЧУЖОЙ»**

АЛАН ДИН ФОСТЕР. **«ЧУЖИЕ»**

АЛАН ДИН ФОСТЕР. **«ЧУЖОЙ 3»**

ЭНН К. КРИСПИН. **«ЧУЖОЙ: ВОСКРЕШЕНИЕ»**

АЛАН ДИН ФОСТЕР. **«ЧУЖОЙ: ЗАВЕТ. НАЧАЛО»**

АЛАН ДИН ФОСТЕР. **«ЧУЖОЙ: ЗАВЕТ»**

КИТ Р. А. ДЕКАНДИДО. **«ЧУЖОЙ: ИЗОЛЯЦИЯ»**

ОРИГИНАЛЬНЫЕ РОМАНЫ:

ТИМ ЛЕББОН. **«ЧУЖОЙ: ИЗ ТЕНЕЙ»**

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН. **«ЧУЖОЙ: РЕКА БОЛИ»**

ДЖЕЙМС А. МУР. **«ЧУЖОЙ: МОРЕ ПЕЧАЛИ»**

АЛЕКС УАЙТ. **«ЧУЖОЙ: “ХОЛОДНАЯ КУЗНИЦА”»**

МИРА ГРАНТ. **«ЧУЖОЙ: ЭХО»**

ТРИЛОГИЯ ТИМА ЛЕББОНА «ВОЙНА ЯРОСТИ»:

«ХИЩНИК: ВТОРЖЕНИЕ»

«ЧУЖОЙ: НАШЕСТВИЕ»

«ЧУЖОЙ ПРОТИВ ХИЩНИКА: АРМАГЕДДОН»

АНТОЛОГИИ:

ЧУЖОЙ: ОХОТА НА ЖУКОВ /

ПОД РЕД. ДЖОНАТАНА МЭЙБЕРРИ

ХИЩНИК: ЕСЛИ ЕГО МОЖНО РАНИТЬ /

ПОД РЕД. БРАЙАНА ТОМАСА ШМИДТА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ:

ТОМ 1. СТИВ ПЕРРИ, СТЕФАНИ ПЕРРИ.

**«ЧУЖИЕ: ЗЕМНОЙ УЛЕЙ. ПРИЮТ КОШМАРА.
ЖЕНСКАЯ ВОЙНА»**

ТОМ 2. ДЭВИД БИШОФ, РОБЕРТ ШЕКЛИ.

«ЧУЖИЕ: ГЕНОЦИД. ЧУЖАЯ ЖАТВА»

Ч У Ж О Й[™]
Э Х О

МИРА ГРАНТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Г77

Mira Grant
ALIEN™: ECHO

Печатается с разрешения издательства Imprint,
a part of Macmillan Publishing Group, LLC,
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Григория Шокина*
Оформление переплета — *Владислав Воронин*

Грант, Мира.

Г77 Чужой: Эхо : [фантаст. роман] / Мира Грант; пер.
ревал. с англ. — Москва: Издательство АСТ, 2020. —
352 с. — (Чужой против Хищника).

ISBN 978-5-17-117422-4

Оливию и ее сестру-близнеца Виолу таскали по Вселенной столько, сколько они себя помнят: их родители, известные ксенобиологи, всегда нарасхват у исследователей иных миров. Только вот, поселившись в новой колонии, они сталкиваются с инопланетной угрозой, не похожей ни на что виденное или описанное прежде. И привычный мир сестер в один миг рушится.

Оливия знает: ее единственное оружие в охваченной хаосом колонии — знание ксенобиологии и решимость защитить Виолу. К тому же неожиданно раскрывается шокирующая семейная тайна — по-своему не менее ужасная, чем кровожадные монстры вокруг. А они, проникая в богатую дикую природу этого нетронутого колониального мира, начинают быстро адаптироваться. Так что Оливии тоже придется приспособливаться, если она хочет выжить...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-117422-4

™ & © 2019 Twentieth Century Fox Film Corporation.
All Rights Reserved.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖЕННИФЕР
И ВСЕМ «ДЕТЯМ» ФИЛЬМОВ УЖАСОВ В МИРЕ

Космос скрывает в себе чудеса за гранью самой смелой фантазии: формы жизни, которые никогда не будут доступны нашему пониманию, и биологические процессы, тайны которых мы, возможно, не в силах будем разгадать вовек. Но как же все-таки здорово — жить в эпоху, когда мир стоит на пороге подобных открытий...

Доктор Кэтрин Шипп

Одна из постоянных величин Вселенной — стремление жизни к продолжению самой себя, какими бы ни были обстоятельства, какой угодно ценой.

Доктор Джон Шипп

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАГРЕЙ *

Небо здесь оранжевого цвета.

И это еще цветочки, ягодки впереди: тут найдется много чего похуже оранжевого неба. Но, честно признаться, даже спустя три месяца по местному исчислению, проведенных на этой планетке с глупой колониальной политикой, я из-за этого вездесущего цвета все еще выпадала в осадок. Оба солнца в зените? Небо — ярко-оранжевое. Рассвет или закат? Тогда — темно-оранжевое. Нет, если подумать, — лучшего предупреждения об опасности, наверное, не сыщешь во всей Вселенной.

— *Добро пожаловать на Загрей, надеюсь, вам понравится постоянное нехорошее ощущение, что где-то вот-вот вспыхнет пожар.*

* Загрей (Ζαγρεύς, букв. с др.-греч. — «великий охотник», «великий ловчий») — в древнегреческой мифологии одна из ипостасей бога Диониса, младенец, увенчанный рогами. Убит титанами; из его пепла произошел человеческий род. (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. пер.).

Когда я ворчу — а ворчу я, увы, почти каждый день, ибо больше здесь заняться нечем, — Виола пускается в пространные рассуждения о социальном дрейфе, переоценке взглядов на самые обыденные вещи и о том, как через несколько поколений на Загрее для сигналов тревоги будут использовать какой-нибудь другой цвет, так как оранжевый совершенно перестанет привлекать человеческое внимание. Тогда уж наверняка весь корпоративный дизайн с ног на голову встанет. А с другой стороны, вряд ли в «Вейланд-Ютани» станут перекраивать привычную цветовую схему ради одного-единственного захолустного колониального мирка.

Жаль, что у Корпорации нет четких планов насчет исследований мамы и папы. Тогда, может быть, мне не пришлось бы таращиться на небо цвета опасности всякий раз, когда открываю окно.

Да, кстати, меня зовут Оливия Шипп, и на этой планете я отнюдь не по своей воле.

Что-то зашуршало в кустах прямо подо мной. Я наклонилась вперед, уцепилась ногой за ветку дерева, на которой сидела, обретя какое-никакое равновесие, — и стала выжидать. Приманка — нарезанные кусочками фрукты, «загрейский нектар», добываемый мамой из полудюжины видов местных цветов, и кучка ксенонасекомых (малоподвижных и высококалорийных) — соблазнительно маячила внизу. Надеюсь, она привлечет десяток-другой здешних обитателей. Пока что для человечества Загрей — закрытая книга. Открытия мы тут делали каждый день.

Контракт мамы и папы распространялся и на меня, но если мне удавалось найти тут что-нибудь новенькое, все лавры отходили колонистам — как будто это они рисковали своими шеями, чтобы описать очередную неведому зверушку: вроде белку, но не совсем! Впрочем, я не особо-то и возражала. За каждое открытие мне платили — немного, но по итогам должна набраться кругленькая сумма.

Мы с Виолой — близняшки, обеим скоро стукнет восемнадцать, и мы уже достаточно взрослые, чтобы самим решать, где нам быть и что делать. Я очень хотела отправиться с ней на Землю. Повстречаться с дальней родней и показать сестру лучшим врачам в родной галактике. За такой шанс я готова любые деньги заплатить.

Ну так вот, сегодня прекрасный денек, и наплевать на оранжевый цвет небес. Кора придет только после обеда. Школы сегодня закрыты — у них тут, в колонии, какой-то праздник. Мне никто не потрудился объяснить, что за праздник — еще бы, я ведь всего-навсего странная девчонка с грязью под ногтями и веснушками на носу. А вот Виола, наверное, знает. Виола знала все о новой колонии еще до того, как мы сюда прибыли. Она объясняет это тем, что любит изучить все заранее: мол, так легче порвать с прошлым и двигаться дальше. А я думаю, ей нравилось проникать в суть вещей, хотя бы в теории, потому что она не могла просто встать и пойти изучать что-нибудь на практике.

Я опустила голову и стиснула зубы. Зря я об этом подумала. У Виолы — странная, почти не изученная болезнь аутоиммунного характера. Ее какие

только врачи не смотрели — помочь никто не смог. Потому-то наши родители и хватались за любой дополнительный заработок, за всякий шанс: они хотели обеспечить Виоле наилучший уход. Я жуть как люблю сестру. Даже когда она выводит меня из себя — все равно люблю. Нельзя злиться на человека за то, что он не в силах изменить.

В кустах снова что-то зашуршало. Мое внимание переключилось на этот шорох, и все горести отступили на второй план. Я ждала, затаив дыхание.

Прижав нос к земле и бешено извиваясь, из кустов выползла продолговатая травоядная животинка. Я прозвала этот вид «белки-сопелки», ну а мама, само собой, дала им какое-то длинное, умно звучащее название — язык, блин, сломаешь. В любом случае, вид уже открыт. Я разочарованно вздохнула.

Львиная доля мелких форм жизни на Загрее в процессе эволюции предпочла нормальным конечностям такие маленькие мясистые обрубки, вроде ножек гусеницы, или же бахромчатые «реснички». Белка-сопелка особо отличилась: у нее четыре отростка спереди и еще четыре сзади, а тело по всей длине утыкано этими самыми ресничками. При ходьбе зверек двигает ими вверх-вниз, ощупывая все вокруг.

Мама говорит, что реснички работают как кошачьи усы, и если белка-сопелка или еще какой-нибудь здешний грызун лишится их, то умрет, так как не сможет передвигаться и добывать пищу. Профессия мамы — ксенобиолог, а я еще только учусь, так что, думаю, она права. Так или иначе, белки-сопелки —

смешные создания. Ползают и машут своими придатками — просто умора. А еще у них зеленый мех, на ощупь схожий с ежовыми колючками, и четыре глаза, расположенные попарно, на манер паучьих. Да, по долгу службы ксенобиологам и не с таким приходится сталкиваться, вы уж мне поверьте.

Белка-сопелка осторожно пробралась к тарелке с фруктами, принялась чутко — как бы решая, стоит ли игра свеч. Потом сунула всю голову целиком в нутро голубой ксенодыни и начала шумно чавкать. Поскольку у зверька нет лап, как у земных сородичей, запасы приходится носить прямо в себе — жир на черный день у этих созданий откладывается в хвосте. Выползшая ко мне особь — подросток, хвост еще тонкий, а мех колючий по всей длине тела.

Мы наблюдали белок-сопелок во всех частях местной биосферы: в лесах, на лугах и засушливых предгорьях, поросших кустарником. Загрей — так называемая землеподобная планета, то есть все ее системы, хотя и отчасти, но все же родственны тем, с которыми человечество уже хорошо знакомо. И, знаете ли, это здорово. В колонии, где мы работали раньше, без кучи защитного снаряжения я не могла во внешнюю среду и нос высунуть, а Виола вообще так и не увидела ту планету, даже пока нас перебрасывали с корабля в жилые блоки. Воздух, которым можно дышать без фильтра, и солнце, не обжигающее кожу, — уже неплохо, очень даже неплохо. Спорить глупо. И черт с ним, с оранжевым небом.

Белка-сопелка, пришедшая покормиться, — вид известный, но все равно она милая, и я сделала не-

сколько набросков карандашом на бумаге, как настоящие натуралисты докосмической эры. В цифровой формат я переведу их позже — мне нравится рисовать руками, у меня довольно-таки неплохо получается. Возможно, через несколько лет освою рисование на профессиональном уровне — не хуже, чем мама с папой, — и даже смогу оставить что-нибудь для потомков.

Впрочем, долгосрочные вояжи к далеким звездам могут и подождать — как только доберусь до Земли, останусь там, по крайней мере, на какое-то время. Хочу узнать, каково это — иметь дом, а не просто «место жительства».

Белка-сопелка продолжала есть, уминала дыньку изо всех сил. Она так сосредоточилась на своем занятии, что даже не заметила, как земля рядом с ней задрожала. Я мигом выпрямилась. Это тоже что-то знакомое, но порой даже самые привычные вещи могут преподнести парочку крутых и зловещих сюрпризов.

Только что земля рядом с белкой-сопелкой была ровной и гладкой, а в следующий миг взорвалась комьями грязи и ошметками корневищ. Львиный червь — слепой подземный хищник, этакий крот, состоящий из зубов, ресничек и ненависти, — рванулся из укрытия и сомкнул кошмарного вида пасть на верхней части тела сопелки. Бедняга даже пикнуть не успела.

Обессилев от резкого рывка, львиный червь рухнул верхней частью туловища, торчавшей из земляной воронки, прямо на мою приманку. Реснички на его боках золотистые, вызывающе яркие в срав-

нении с приглушенной коричнево-желто-синей палитрой местных лесов. Они неустанно движутся, сканируя пространство, и сообщают хозяину обо всех возможных опасностях. Я сидела тише воды ниже травы. Львиные черви напрочь лишены страха и без колебаний кидаются даже на нас, людей, не сомневаясь, что могут нас одолеть и сожрать.

Впрочем, взрослый львиный червь размером примерно с земную свинью, и этого факта более чем достаточно, чтобы мне снились кошмары о тварях, роющих подкоп под наш дом. Передо мной — молодая особь, размером с кошку и в десять раз более злобная. Эта мелочь вполне способна отгрызть мне ногу — лучше не рисковать.

Немного восстановив силы, львиный червь втянул в себя остатки белки-сопелки и отступил в свою подземную нору. Он молод и достаточно слаб, так что разделался с добычей в одиночку, а не потащил к себе в колонию, где более крупные собратья от жадности могли бы заодно сожрать и его самого.

Иногда трудно быть хищником.

С учетом того, что все мои фрукты заляпаны кровью, а рядом с блюдом — огромная воронка в земле, наверное, разумнее всего на сегодня закончить и отправиться домой. Вряд ли кто-то из зверья сюда еще явится. Тем не менее я не торопилась — стала считать про себя от двадцати до одного. Знаю по опыту: терпение — полезное качество. Животные на Загрее понимают собственную экосистему, но как вести себя с нами, они пока не определились. Иногда они убе-